

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.11.25>

Щербаков Дмитрий Александрович

САМОТОЖДЕСТВЕННОСТЬ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ

Статья посвящена критическому анализу аргументации, опровергающей представления о самоидентичности исторических событий. На основании классических онтологических концепций показано, что основным условием самоидентичности сущего является его неизменность. Дан перечень тезисов, отрицающих неизменность и стабильность прошлого, и выявлено, что в основе их лежит некорректное смешение прошлого самого по себе и субъективных представлений о нём. Обоснована мысль о том, что процессуальный характер исторической реальности не исключает неизменности и самоидентичности прошлых событий.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/11/25.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 11. С. 143-147. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/11/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 115

Дата поступления рукописи: 29.09.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.11.25>

Статья посвящена критическому анализу аргументации, опровергающей представления о самостождественности исторических событий. На основании классических онтологических концепций показано, что основным условием самостождественности сущего является его неизменность. Дан перечень тезисов, отрицающих неизменность и стабильность прошлого, и выявлено, что в основе их лежит некорректное смешение прошлого самого по себе и субъективных представлений о нём. Обоснована мысль о том, что процессуальный характер исторической реальности не исключает неизменности и самостождественности прошлых событий.

Ключевые слова и фразы: самостождественность; прошлое; бытие; становление; исторические события; онтология; время.

Щербаков Дмитрий Александрович, к. филос. н., доцент
Оренбургский государственный аграрный университет
am720@ya.ru

САМОСТОЖДЕСТВЕННОСТЬ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ

Самостождественны ли исторические события и историческая реальность в целом – вот онтологический вопрос, который должен быть задан, чтобы понять, существует ли историческое прошлое как объективная реальность или нет.

Целью данного исследования является выяснение истинного характера бытия исторического прошлого – является ли историческое прошлое самостождественным или нет. В ходе работы следует решить следующие **задачи**: определить смысл самостождественности как онтологической характеристики события, разграничить различные значения понятия «исторический факт», показать противоречивость существующих ныне представлений об изменчивости и неизменности прошлого и на основе критического анализа аргументации, доказывающей и отрицающей стабильность исторического прошлого, выработать адекватное представление об истинном характере его бытия. **Актуальность** рассматриваемых проблем объясняется отсутствием удовлетворительных решений, позволяющих преодолеть существующие на сегодняшний момент антиномии в понимании бытия исторического прошлого и построить непротиворечивую онтологию прошлой реальности. **Научная новизна** исследования заключается в применении онтологической категории «самостождественность» к рассмотрению процесса, тогда как классическая онтология через призму этой категории обычно рассматривала вещи и идеи. Исследование показало возможность такого использования данной категории, получен результат в форме выводов о том, что процессуальный характер прошлой социальной реальности не исключает её самостождественности.

Понятие о самостождественности сущего, как оно сложилось в античные времена, предполагает, что нечто в своём существовании всегда равно самому себе, постоянно являясь самим собой, сохраняет свою сущность и все характеристики, свойства и качества, которыми оно обладает само по себе, безотносительно к чему бы то ни было. В диалогах Платона говорится, что самостождественным может быть то, что не изменяется. Такому сущему, согласно парменидовской традиции, приписывается подлинное бытие, а существование физической природы именуется становлением – как бы сочетанием бытия и небытия. Так, в диалоге «Софист, или о сущем» Платон пишет: «...к становлению мы приобщаемся телом с помощью ощущения, душою же с помощью размышления приобщаемся к подлинному бытию, о котором вы утверждаете, что оно всегда само себе тождественно, становление же всякий раз иное» [11, с. 209]. Аристотель также полагал, что тождественным, а значит, и самостождественным, называется «то, сущность чего одна» [3, с. 143]. Таким образом, основным условием самостождественности является неизменность сущего.

Если применить такое классическое понимание самостождественности сущего к постижению бытия прошлой исторической реальности, то следует рассмотреть, изменчиво ли это прошлое или нет, пребывают ли прошлые события и иные элементы прошлого в движении или они неподвижны. В научной и философской литературе, затрагивающей эту проблему, имеется множество высказываний, как утверждающих, так и опровергающих неизменность и неподвижность прошлого. Представляется, что мнение о несамостождественности прошлых событий в определённой степени подкрепляется применением эпистемологического значения слова «факт», выработанного и применяемого в конструктивистском подходе к изучению прошлого. Поэтому необходимо провести разграничение наиболее устоявшихся значений понятия «научно-исторический факт». В ряде случаев слово «факт» обозначает какой-либо фрагмент реальности, нечто реально существующее или имевшее место быть в прошлом. Это значение исходит из первоначального смысла слова, в котором факт есть «сделанное», «совершившееся». Так, мы говорим, например, о фактах биографии человека, о событиях в жизни народов и в протекании природных процессов, о наличии каких-либо вещей и явлений, их свойствах и т.п. Фактом мы называем вчерашний дождь, рождение ребёнка, постройку дома, битву или заключение сделки. Но так как общим местом стало положение, что история не знает предзаданных фактов, которые надо просто рассмотреть, описать и объяснить, что объект исторического познания всякий раз именно создаётся познавательными интересами и усилиями, то в научном исследовании под «фактом» нередко подразумевают «определённый ответ на определённый вопрос» [13, с. 391]. Такое понимание, применяемое в конструктивистском подходе к истории, с необходимостью предполагает относительность содержания исторического факта, его обусловленность

направленностью научных интересов исследователя, ценностями и другими личностными особенностями учёного. Так, понимаемый факт обусловлен всем социокультурным контекстом современности, с позиции которого ведётся исследование. Сторонники такого подхода отмечают, что «факт» не даётся нам вне интерпретации» [15, с. 98]. Именно такой подход и даёт нам вариативность и изменчивость исторических фактов, постоянное «перекраивание» и переписывание истории. Понятно, что сконструированные факты, относящиеся к одним и тем же событиям, оказываются различными, само событие предстаёт всякий раз не таким, каким мы его мнили прежде. В таком случае получается, что историческое событие несамостоятельно. Конструктивизм представляет собой очень плодотворный научный подход, но такое релятивное содержание «фактов» не имеет ничего общего с онтологией. Следует отдавать себе отчёт, что в конструктивистском и презентистском подходах речь идёт не столько о содержании события как такового, а скорее о содержании нашего знания о нём. Знание о прошлом никогда не равно самой прошлой реальности [16, с. 95]. Поэтому мы не будем здесь пользоваться конструктивистским значением понятия «факт». Познание предполагает существование того сущего, которое познаётся. Мы вправе различать сам объект и знание о нём. Исходя из этого, в онтологическом исследовании мы будем использовать не эпистемологическое значение понятия «исторический факт», а то первое, в соответствии с которым факт есть нечто существующее (либо существовавшее в прошлом).

Решая основную задачу нашего исследования, рассмотрим аргументацию мнений об изменчивости прошлого. Сформулируем и перечислим тезисами наиболее существенные доводы. Исторический процесс не завершен, и прошлое непрерывно «растёт в объёме», а рост прошлого – это его изменение. События, начавшиеся в прошлом и продолжающиеся донныне, дают всё новые последствия, заставляя нас иначе определять сущность, характеристики и направленность их предыдущих стадий, давать им разные оценки и названия, то есть иначе интерпретировать их. Прошлое, будучи прошлым какого-то настоящего, движется вместе с горизонтом настоящего и способно к трансемпоральной трансляции [Там же, с. 94]. Вещественные остатки прошлых миров ветшают и разрушаются, часто замещаются подделками [9, с. 419, 426, 620]. Понятия наполняются новыми смыслами. Память уходит вместе с её носителями. Кроме всего перечисленного, онтологически значим тот изначальный факт, что историческое прошлое само по себе было не парменидовским статичным бытием, а процессом – непрерывным движением, потоком изменений, каждый момент которого отличался от предыдущего. Как поток может быть неизменным? Время движется, создавая протяжённость, части которой «не даны вместе как рядоположенные, а сменяют друг друга как последовательные, непрерывно появляясь и тут же исчезая» [5, с. 62]. Таковы, на наш взгляд, основные доводы, говорящие об изменчивости и несамостоятельности прошлого, требующие онтологического прояснения. Кроме этого, мы вообще оставляем в стороне мнения, согласно которым прошлое – это наша собственная сегодняшняя конструкция, отвечающая современным жизненным потребностям и всегда перекраиваемая согласно запросам настоящего [9, с. 619]. Онтологически важно придерживаться твёрдого убеждения, что существовать – не обязательно значит быть воспринимаемым и осмысляемым. Исходя из этого, мы различаем прошлое само по себе и знание (или мнение) о нём. Представления о прошлом, существующие в нашем сознании в данный момент, представляют собой не прошлое, а настоящее [18, р. 237]. Однако в упомянутом презентистском и конструктивистском подходах онтологически интересно выяснение того обстоятельства, что историческая, а значит, «социальная реальность не существует вне представлений о ней» [13, с. 74] и «любое изображение социальной реальности одновременно является элементом этой реальности» [Там же, с. 302].

Увеличение прошлого «в объёме» представляет собой изменение исторической реальности, не затрагивающее сущности, характера, фактичности (конкретного содержания) и последовательности протекания уже прошедших событий. То есть когда в СССР шло освоение целины в пятидесятых годах XX века, это никак не влияло на ход Бородинской битвы, а плавание Христофора Колумба не воздействовало на нормандское завоевание Англии. События «обратной силы не имеют», ретроспективно не воздействуют друг на друга. Нет никакого логического противоречия между изменяемостью прошлого в ходе добавления всё новых и новых событий в него и его неизменностью в себе самом, в собственной «глубине», ибо это изменения в разных отношениях. «Внешнее» добавление событий к прошлому в исторической реальности не есть внутреннее изменение сущности, структуры и порядка того, что уже произошло до этих добавлений. Образно говоря, когда окраины города обрастают новостройками, и город растёт, то исторический центр при должной заботе долго может оставаться неизменным в своих главных чертах. Правда, в пространстве мы можем двигаться во всех направлениях, вернуться в исторический центр города и всё там переделать, а во времени изменение однонаправлено и происходит только в моментальном настоящем [12, с. 13, 25]. Итак, относительно неизменности растущего и, следовательно, изменяющегося прошлого противоречие носит софистический характер, то есть оно отсутствует.

Гораздо сложнее и интереснее представляется то обстоятельство, что более короткие происшествия и события всегда встраиваются в более длительные процессы и являются их частями, получая своё значение только по отношению к условно целому. «История творится в контексте и творит контекст» [4, с. 86]. Такой характер бытия исторической реальности отмечался ещё Геродотом в вымышленном разговоре Солон с Крезом о счастливой жизни человека, когда Солон заключил, что «во всяком деле нужно иметь в виду его исход, чем оно кончится» [8, с. 20-23]. Но наиболее выразительно, на наш взгляд, об этой характеристике писал Николай Гартман: «...отдельно взятые исторические события обнаруживают подобную несамостоятельность. Падение крепости имеет своё историческое бытие не просто в успехе завоевателя или в судьбе гарнизона, но в той роли, которую оно играет в общем плане кампании; историческое же бытие последней точно так же заключается не в ней самой, но в контексте проводимой государством политики. Та, в свою очередь, является тем, чем она является, только в более широком взаимодействии держав и переплетении их интересов, которое, со своей стороны, коренится в общем международном положении и его антецедентах.

Оправдываются слова: «Истина – это целое», сказанные Гегелем в отношении исторического бытия» [6, с. 197]. Рождение какого-нибудь будущего тирана было, по-видимому, радостным семейным событием – большим, но в малом масштабе, потом следовали приятные, хоть и тяжёлые родительские хлопоты по уходу за ребёнком, но только в отдалённом будущем потомки могли понимать, что произошло в таком-то селении или городке в том далёком прошлом – рождение будущего тирана, развязавшего масштабные войны, например, и т.п. При этом получается, что последующие события меняют общий взгляд на сущность, направленность и все характеристики предыдущих действий. Ответ на вопрос «Что началось сейчас?» не может быть во всей полноте дан сейчас, он может последовать только в будущем. Обратим особое внимание на сказанное здесь «во всей полноте», ибо последующее рассмотрение покажет, что в различении полноты и неполноты, то есть масштабов событий, и кроется главная причина онтологической неясности вопроса об изменчивости или самоотждественности событий, которые всегда сплетаются в более масштабные целостности. И это не то же самое, что отвергнутое нами неразличение объективного прошлого и последующих мнений о нём. Дело в том, что, когда событие только начинается, оно ещё отсутствует как целое. Когда люди начинают осуществлять те или иные действия, невозможно сказать однозначно, что это за деятельность, определить её сущность, дать происходящему имя и т.д. Например, в начале Тридцатилетней войны 1618-1648 годов ещё никто не мог знать, что началась тридцатилетняя война, и так её называть [10, с. 39-40]. Принимая всё это во внимание, можно подумать, что последующие изменения меняют сущность предыдущей деятельности. Истинность этого предположения мы и собираемся здесь проверить. Наши сомнения вызваны подозрением, что у события, пока оно не завершилось, вероятно, отсутствует его сущность, и невозможно точно определить, что оно есть само по себе [16, с. 84-85]. При этом онтологически неясно, что считать началом и завершением события. Начало скрывается в ряде причин, теряющихся порой в глубине веков, а завершение отсылает к целому истории, эсхатологически уводящему нашу мысль к «концу света». События как бы перекрывают друг друга, «находят» друг на друга «внахлёт», образуя континуум [18, р. 235]. Это позволяет сделать вывод, что «прошлое и будущее реально существуют внутри современности как её элементы» [17, с. 194]. Если мы широким перспективным и ретроспективным охватом мысли включаем в длящееся ныне событие его прошлые стадии и возможные перспективы, то мы получаем длящееся настоящее, включающее в себя прошлое и будущее. При этом прошлое и будущее мыслится как настоящее, а настоящее для нас всегда изменчиво [18, р. 235]. Подобное смешение прошлого, настоящего и будущего, зиждущееся на ложной концепции длящегося настоящего, мы считаем онтологической ошибкой. Настоящее не продолжается, или, как ещё резко выразился Сартр, «настоящего нет, оно обнаруживается в форме бегства» [14, с. 225].

Заметим сразу, что в приведённом выше гартмановском пассаже события, составляющие одно большое целое, всё же выделяются и получают своё название: падение крепости, общий план и ход военной кампании, внешнеполитический курс правительства, состояние международных отношений и так далее. Мы, конечно, не можем не принимать в расчёт их целостность, объёмлемую в итоге понятием «историческая реальность», но при этом мы также не вправе не замечать или игнорировать части этого большого целого. Любое большое событие обязательно состоит из огромного, зачастую неисчислимого количества более мелких событий, являющихся действиями людей, которые можно бесконечно делить на отдельные короткие психические и физические акты и их эпизоды, и это всё происходит в определённой и изменчивой природной, социальной и духовной среде. Каждое отдельное слово, сказанное в разговоре, – это отдельный акт, имеющий свой смысл. Иногда одно слово меняет всё. Человек подумал, принял решение, встал со стула, надел плащ, открыл дверь, спустился по лестнице, произошла встреча, состоялся разговор и т.д. – бесконечная вереница мелкомасштабных событий, которые постоянно всё меняют в нашей жизни. Большой путь всегда начинается с первого маленького шага, и большая работа – с первых небольших действий, причём первоначально невидимых действий ума, а уже затем и тела. Вынужден ли наш разум отказываться считать все эти эпизоды событиями, частичками исторического процесса, имевшими каждый своё начало, продолжение и конец, и поэтому могущими мыслиться как некоторые цельности, имевшие свои пределы, то есть форму, а значит, и сущность? Нет. Последовательность мелких событий представляет одно крупное историческое событие как некоторую целостность. Но нельзя сказать, что вне этой целостности его мелкие эпизоды – ничто. Как нет части без целого, так нет и целого без своих частей. Поэтому следует полагать, что и у мелкомасштабных уже состоявшихся событий есть своя сущность, очерченная их границами, своя историческая роль и значение. Да, в начале революции, в первые моменты уличного восстания индивидуум, находясь в гуще и сутолоке происходящего, разумеется, не видит всей картины во времени и пространстве и не может адекватно судить о полноте происходящего [4, с. 87]. Он не может понимать сути общего процесса (поскольку большое видится на расстоянии), но он вполне может понимать суть и направленность тех действий, которые он сам осуществляет в данный момент, либо действий других людей, текущих в пределах его восприятия и ментального горизонта. Для тех же, кто отвергает само существование того нечего, которое постоянно изменяется в процессе становления и вследствие этого не имеет сущности, следует напомнить довод Аристотеля, что «то, что утрачивает что-нибудь, имеет [ещё] что-то из утрачиваемого, и что-то из возникающего уже должно быть. И вообще, если что-то уничтожается, должно наличествовать нечего сущее, а если что-то возникает, то должно существовать то, из чего оно возникает» [3, с. 111-112]. Таким образом, пребывающие в становлении изменяющиеся исторические объекты имеют свою сущность, и стоит признать само их существование. Развитое в Новое время Гегелем учение о тождестве и становлении показывает, что «становление есть единство бытия и ничто» и что «в становлении бытие как тождественное с ничто и ничто как тождественное с бытием суть лишь исчезающие моменты; благодаря своему внутреннему противоречию становление впадает (fällt)

в единство, в котором оба момента сняты. Результат становления представляет собой, следовательно, наличное бытие» [7, с. 224, 227]. Так преодолевается сомнение в бытии изменяющегося сущего.

Признав наличие сущности и определённости у кратковременных мелкомасштабных событий, которые уже состоялись, мы вынуждены признать и неизменность их сущности, их пространственно-временной формы, структуры, последовательности протекания вне зависимости от того, что происходит одновременно с ними, но делается другими людьми и в другом месте, или от того, что произойдёт в будущем. Последующее развитие события не меняет его уже состоявшихся прошлых частей. В противном случае невозможно было бы вообще определять нечто как событие, мы не имели бы никогда определённого сущего, и впоследствии человек не смог бы осмыслить произошедшее нечто как событие. Ведь, «не допуская постоянно тождественной себе идеи каждой из существующих вещей, он не найдёт, куда направить свою мысль, и тем самым уничтожит всякую возможность рассуждения» [11, с. 278].

Сомнения в самотождественности исторических событий могут возникать также по той причине, что представления людей о социальной реальности сами по себе являются элементами этой реальности, и так как у каждого человека и группы людей складываются свои особые, индивидуальные представления о происходящем, то происходящее оказывается не чем-то одним, для всех одинаковым и целостным, но многим, различным и раздробленным различными точками зрения комплексом или даже хаосом. Что видит один, того не замечает другой, что ценит и в чём участвует один, то может игнорировать другой человек. Одному человеку кажется, что что-то происходит, и он пытается как-то соответственно этому действовать, а другому может казаться, что ничего такого не происходит, и, стало быть, он не проявляет никакой реакции по поводу такого «отсутствующего» или недействительного для него события. Сколько людей, столько и мнений и, стало быть, столько и событий. Всё это осложняется тем, что и один и тот же человек меняет своё отношение к происходящему, своё видение ситуации и роли в ней. Мнение каждого подвижно и находится в таком же подвижном контексте чужих мнений, чужого понимания и постоянно изменяемой физической, экономической, политической и социокультурной ситуации в мире. Контекст расплывается, сгущается и рассеивается новыми веяниями, как дым в небе. Такое положение дел древние называли становлением, в котором нет ничего самотождественного. Всё это представляется нам сильными доводами, отрицающими самотождественность прошлого.

Но почему бы нам не считать незамеченные, не оцененные или проигнорированные кем-либо события вполне действительными событиями, коль скоро они воздействовали на прочие объекты и меняли состояния исторической реальности? Незамеченным и скрытым от нас постоянно оказывается неисчислимое количество вполне реальных и действительных вещей, процессов и явлений. Мы не видим даже того, что происходит за стенами нашего дома на улице или в соседней комнате. Мы повседневно не замечаем, кто для нас и за нас выращивает на полях хлеб, отливает сталь, шьёт одежду, служит в армии, воспитывает наших детей, строит нам дома. Мало кто в СССР заметил, как и когда именно СССР распался, а это историческое событие – не иголка в стоге сена. Бывает так, что кто-то по привычке, незаметно даже для самого себя говорит другому человеку обидное слово, а этот другой незаметно претерпевает обиду и не даёт воли эмоциям. Но из такой незаметной борьбы и складывается в итоге история. Факт остаётся фактом – состоялось это маленькое повседневное событие и оно предотвратило катастрофические разрушения, которые могли бы произойти, если бы не совершилась эта духовная работа, это маленькое психическое усилие. Незамеченность сама по себе ещё не означает недействительность или нереальность чего-либо (мы приняли, что существовать – не значит быть воспринимаемым). А множественность различных ракурсов восприятия письменного стола – не повод думать, что этот стол не один, но «его экземпляров много». Поэтому многообразие и множественность пониманий происходящего правильнее было бы считать не отрицанием самотождественности того, что происходит и уже произошло, но на самом деле множественностью восприятий происходящего. Реально происходит очень много событий, переживаемых и по-разному понимаемых многими людьми, и эти нити происходящего образуют пёструю и неровную ткань исторической реальности. Изменение же мнений и интенций действующего субъекта исторического процесса правильнее было бы считать не аморфностью события, порождаемого действиями этого субъекта (и многих других людей), но своеобразием этого конкретного события. Мы говорим про тот случай, когда некто, по-видимому, начал делать нечто одно, продолжил это как нечто другое, а закончил вообще чем-то третьим, из чего можно было бы сделать вывод об отсутствии сущности у этого события, о бессмысленности, бесцельности и бесструктурности этих действий, а само дело в итоге никак не назвать, ибо оно «ни то, ни сё», несамостождественно. Оно самотождественно, просто содержит в себе противоречивые или непоследовательные моменты.

Онтологическая трудность осознания движущегося потока в качестве самотождественного представляется нам по большей части порождением привычек языка и ментальных схем восприятия и описания действительности. Другими словами, это противоречие носит не столько онтологический характер, сколько психологический и языковой. Это противоречие представляет собой стереотип нашего обыденного мышления. Не следует прошлую реальность представлять как какую-то стабильную материальную вещь, где вот эти два сантиметра на ленте времени – Новое время, вот эти десять сантиметров рисунка – Средние века, тот полуметровый промежуток – Древний мир с его цивилизациями и так далее. Историческое прошлое было не статичной структурой, а комплексом изменений, процессом. Представляя неизменность прошлого, его не следует мыслить как какое-то одно статичное состояние – этот образ вечности совершенно не отражает сущности исторического прошлого, которое есть череда изменений, необозримо длинная последовательность смены состояний реальности. Но движение идёт только в настоящем, за которым всё прошедшее уже «вечно стоит», и ничего в нём исправить или испортить уже нельзя – всё было так, как оно было. Настоящее – это и есть действительное движение. Если бы и во вчерашнем дне продолжали происходить новые события – то это был бы какой-то

другой расплывающийся аморфный мир постоянного множественного настоящего, но такую картину реальности опровергает весь наш действительный опыт. Он вынуждает нас проводить фундаментальное различие между прошлым, настоящим и будущим [18, р. 235]. Будущее вариативно и негарантировано, оно не представляет собой объективной реальности, но существует лишь в нашем сегодняшнем сознании как наши мечты, ожидания, планы и проекты. Настоящее хотя и объективно, но текуче и неуловимо, оно не имеет длительности и каждый миг иное и иное [1, с. 296]. Прошлое же всегда и постоянно есть то же самое. Прошлое – это единственная часть объективной реальности, которая неизменна и самостождественна. Бывшее бытие называется тем, что «не может стать другим» [2, с. 124]. Поэтому-то мы и ценим прошлое как неизменную надёжную опору своего бытия, с которой ничего случиться уже не может, которая не требует заботы и всегда находится в безопасности. Прошлое – это то богатство, которое отнять у нас уже невозможно.

В завершение есть смысл привести метафору, примиряющую понимание истории как становления с идеей самостождественности этого процесса. Становление, происходящее в историческом процессе, подобно кинофильму, записанному на плёнке. Просматривая и пересматривая заново этот кинофильм, мы каждый раз видим одно и то же разворачивание событий – тех же самых и в неизменном порядке.

Итак, мы рассмотрели наиболее существенные доводы, на основании которых может возникать представление о несамостождественности исторических событий, и нашли, что ни один из них не вынуждает нас с необходимостью мыслить историческое прошлое изменчивым объективно в самом себе. Неизменна в событиях сама последовательность их протекания, пространственно-временной и причинно-следственный порядок появления и исчезновения состояний исторической реальности, неизменен смысловой (интенциональный) и материальный состав происшедшего. Не может измениться направленность действий участников исторических событий, как она понималась ими самими в момент совершения своих действий. Но всё, что касается нашего сегодняшнего понимания прошлых фактов, – это изменчивая сторона истории. Только эта сторона отражает не изменчивость событий самих по себе, а изменчивость нашего знания о них. Мы можем по-разному их называть, приписывая им те или иные характеристики, давать разные дефиниции, определяя их сущность, открывать различные смыслы деятельности участников прошлых событий или даже вкладывать собственные смыслы в описание и объяснение их деятельности. Но наше сегодняшнее понимание не изменяет прошлого самого по себе, и поэтому можно говорить о его самостождественности.

Список источников

1. **Августин Аврелий.** Исповедь. СПб.: Азбука, 2011. 400 с.
2. **Апинян Т. А.** Устранённое время, или Три модуса мифа // Модусы времени: социально-философский анализ / под ред. И. В. Кузина. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. С. 121-131.
3. **Аристотель.** Метафизика. М.: Эксмо, 2015. 448 с.
4. **Верле А. В.** Пространство прошлого: ритм – контекст – событие // Модусы времени: социально-философский анализ / под ред. И. В. Кузина. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. С. 79-90.
5. **Гайденко П. П.** Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 464 с.
6. **Гартман Н.** К основоположению онтологии. СПб.: Наука, 2003. 639 с.
7. **Гегель Г. В. Ф.** Энциклопедия философских наук: в 3-х т. М.: Мысль, 1974. Т. 1. Наука логики. 452 с.
8. **Геродот.** История. М.: АСТ, 2009. 671 с.
9. **Лоуэнталь Д.** Прошлое – чужая страна. СПб.: Владимир Даль, 2004. 623 с.
10. **Мегилл А.** Историческая эпистемология. М.: Канон+, 2007. 480 с.
11. **Платон.** Полное собрание сочинений в одном томе. М.: Альфа-книга, 2013. 1311 с.
12. **Попов Н. А.** Сущность времени и относительности. М.: Либроком, 2013. 320 с.
13. **Савельева И. М., Полетаев А. В.** Знание о прошлом: теория и история: в 2-х т. СПб.: Наука, 2003. Т. 1. Конструирование прошлого. 632 с.
14. **Сартр Ж.-П.** Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: АСТ; Астрель, 2012. 925 с.
15. **Соколов Б. Г.** Гипертекст истории. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. 193 с.
16. **Табачков А. С.** Метатеоретическая репрезентация исторического прошлого. Мн.: РИВШ, 2009. 242 с.
17. **Хмылев П. Н.** Прошлое и будущее как элементы современности в историческом процессе // Модусы времени: социально-философский анализ / под ред. И. В. Кузина. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. С. 194-203.
18. **Mead G. H.** The Nature of the Past [Электронный ресурс] // Essays in Honor of John Dewey / ed. by J. Coss. N. Y.: Henry Holt & Co, 1929. P. 235-242. URL: https://brocku.ca/MeadProject/Mead/pubs2/papers/Mead_1929d.html (дата обращения: 09.08.2019).

SAMENESS OF HISTORICAL EVENTS

Shcherbakov Dmitrii Aleksandrovich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Orenburg State Agrarian University
am720@ya.ru

The article provides a critical analysis of argumentation against the conception of sameness of historical events. Relying on classical ontological conceptions, the author shows that the basic provision for sameness of matter is its stability. The paper summarizes the arguments denying the invariance and stability of the past and shows that such an approach is based on misinterpretation: past as itself is mistakenly associated with subjective conceptions of it. The author justifies the thesis that procedural nature of historical reality does not contradict the invariance and sameness of past events.

Key words and phrases: sameness; past; existence; formation; historical events; ontology; time.